

Социология жизни: поиск ответа на научные и общественные вызовы

Жан Тощенко,

доктор философских наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Концепции развития: опыт критического анализа.

В конце XIX — начале XXI веков были предприняты многочисленные попытки охарактеризовать сущность и содержание происходящих общественных изменений, выразить их через определение основных тенденций, присущих если не всем, то большинству существующих стран, нациям и народностям, региональным и местным сообществам.

Одной из первых концепций в этот период времени стал *цивилизационный подход*, отвергающий марксистское учение о формациях и предлагающий свое видение, которое бы выделяло в основном достижения во всех сферах общественной жизни с особым учетом духовно-культурных компонентов. Однако достаточно быстро выяснилось, что такой подход не может полностью отменить рациональные основы формационного подхода. Кроме того, сущностные черты различных вариантов цивилизации (региональных, национальных и др.), делали очевидным тот факт, что каждая цивилизация обладает таким набором характеристик, что их нередко трудно сравнивать и выявлять обобщающие их показатели и индикаторы.

В попытке преодолеть ограничения такой интерпретации, как цивилизация, была выдвинута *концепция глобализации*, заключающаяся в том, чтобы выявить общие характеристики развития современного человечества, определить

наиболее рациональные из них, сделать их достоянием всех живущих на Земле. Однако уже на первых шагах осмысления этого феномена возникли обвинения в том, что под этим флагом реализуется политика американизации и/или вестернизации. Против такого понимания и реализации глобализации восстал азиатский и африканский мир (особенно исламский), который увидел в такой политике и такой теории игнорирование национально-особенного, самобытного и, более того, идущее вопреки тысячелетнему опыту, традициям и обычаям населяющих эти страны народов. В попытке преодолеть эти противоречия стали возникать производные теории — *глокализации*, *анклавализации*, *регионализации* и др.

Одновременно получила распространение концепция *общества риска*, которая опиралась на анализ функционирования реальных обществ и государств, развитие которых неизменно сопровождалось революциями, конфликтами, различного рода напряженностями. Ответив на многие вопросы развития экономических, политических и социальных процессов, многие теоретики общества риска абсолютизировали эту трактовку, поставив знак равенства между риском и любым противоречием, чем довели свои выводы даже до абсурдных утверждений.

Из других трактовок общества хотелось бы выделить такую его сущностную характеристику, как *турбулентность*.

Турбулентное общество как теория хаоса не акцентирует свое внимание на каких-то обобщающих индикаторах и показателях, но в то же время претендует на то, что при анализе реальной, а не абстрактной модели развития общества, можно выявить ведущие характеристики именно для данного объекта и в определенное время.

К этим концепциям примыкают и попытки (теоретические и прикладные) охарактеризовать *механизмы функционирования общества*. Если охарактеризовать эти усилия и поиски ответа на злободневные проблемы общества, то можно описать такие его проявления, как *тоталитаризм, патернализм, евразийство, особый путь* и т. п., которые в лучшем случае описывали бы отдельные компоненты развития конкретных обществ.

Если охарактеризовать эти концептуальные поиски, то при всем их значении и выявлении отдельных сторон развития общества, все же в целом они носили умозрительный, формальный, а в ряде случаев голословный и безответственный характер. Основной порок этих интерпретаций — это анализ некой абстрактной схемы, которая внешне могла быть привлекательной, но имела мало отношения ко все усложняющейся реальности.

А что происходит в реальной жизни? Всему миру, а не только странам постсоветского наследия, присуще огромное и все растущее социальное неравенство. Несмотря на все усилия, практически большинства политических сил, эта тенденция не только не стабилизируется, но и набирает темпы, усиливаемая таким деформирующим общественное развитие явлением, как коррупция. Это неравенство касается и вертикалей Север — Юг, Восток — Запад.

Не оправдал себя и так называемый свободный, никем и ничем не ограниченный рынок, который усилил не только расслоение в обществах, но и разрушил многие национальные экономики.

Мерилом жизненного успеха для людей, определяющих экономическое раз-

витие страны, стала выгода, доход во всех его проявлениях.

Огромную роль стали играть группы давления, которые могли навязывать свое видение народу.

Евою ограниченность показала и политика *мультикультурализма* даже в западноевропейских государствах, не говоря о постсоветских странах. В Германии попытались учесть национальные культурные особенности турок и привить их к культуре принявшей их нации, во Франции то же самое проявлялось по отношению к арабам, в Великобритании — по отношению к индусам и мусульманам. И это оказалось ошибочным и в значительной степени несовершенным. Стремление некоторых наших коллег привить или объяснить политику мультикультурализма в применении к постсоветским реалиям изначально было недалновидным и даже похожим на слепое копирование («там видят дальше и лучше»). А между тем, на территории бывшего СССР никто ни к кому не приезжал, не было массовой миграции, а если определенные перемещения рабочей силы и случались, то это была их страна, к которой не надо было приспосабливаться — культура каждого народа имела веские доказательства для ее существования, а не приспособления, как это имело место в западноевропейских странах.

Объяснительные модели, которые были призваны ответить на актуальные вызовы общественного развития, такие как *толерантность* и *идентичность*, также оказались ограниченными как в научном, так и прикладном аспекте. Поскольку толерантность была направлена на выявление ресурсов и возможностей хотя бы формально считаться с позицией других субъектов деятельности, особо не различая их соответствие установкам гражданского, правового и нравственного порядка, то это привело к неоправданным уступкам, всепрощенчеству, желанию угодить всем и вся и даже не противостоять злу и насилию, в то время как

объективный ход развития исторического процесса нуждается в уважении к другой позиции, желании ее разделять и поддерживать, стремлении в определенных пределах ее усвоить и умножить, руководствоваться ею в своей общественной и личной жизни. Иначе говоря, ограниченность толерантности ярко проявила себя даже в таких ситуациях, которые касались спорных вопросов морали, отношения к преступникам и т. д.

Что касается идентичности, то при всей ее научной значимости и роли существующих государственных и общественных отношений, она не отвечает на вопросы и даже затушевывает решение таких проблем, как социальное неравенство, различия в мировоззренческих позициях, жизненное кредо человека, но зато служит хорошей основой для поддержания всякого рода националистических страстей.

Все это позволяет утверждать, что в социальных науках, в том числе и социологии, преобладали две тенденции: 1) построить некие теоретические схемы, которые мало коррелировали с реальной жизнью во всем ее противоречивом развитии; 2) решить отдельные важные проблемы, которые в силу своей исходной позиции не могут претендовать на удовлетворяющий всех ответ, особенно тогда, когда требуется комплексное, системное, всестороннее рассмотрение волнующих людей жизненных проблем.

Отсюда следует вывод — надо попытаться найти ответ, который бы соединял в себе достижения социальных наук и адекватно отражал реальность во всем ее многообразии.

Предтечи ответа на вызовы современности.

Сказать, что социология не пыталась найти концепции, которые бы в полной мере и адекватно отвечали на эти злободневные вопросы, было бы несправедливым.

В данной статье не анализируются попытки зарубежных и отечественных исследователей ответить на эти вопросы

[подробнее см.: Тощенко, 2015]. Здесь я попытаюсь ответить на то, как осуществлялись поиски ответов на всесторонний анализ реальности.

На мой взгляд, такие комплексные попытки начались в советский период с *теории и практики социального планирования*. Наряду с начавшимся всплеском отдельных социологических исследований социально-экономических и социально-культурных проблем в начале 1960-х годов возникло и сформировалось уникальное, специфическое явление — социальное планирование, выразившееся в разработке и внедрении планов социального развития сначала трудовых коллективов, затем и территорий. Начало этой научной и практической деятельности положила инициатива ленинградских ученых и руководителей предприятий города. Одним из первых таких научно-прикладных документов стал план социального развития научно-производственного объединения «Светлана». Уникальность этого документа состояла в охвате всех проблем социальной жизни людей, выходящих далеко за пределы производственных забот — в нем были отражены потребности повседневной жизни сотрудников, жилищные условия, организация свободного времени, здоровье, физическая культура и спорт и т. д. Не было ни одной социально значимой ниши, которую бы не затрагивали в своем поиске исследователи и которую бы игнорировали руководство и общественные организации объединения [см. Ельмеев, 1974; Полозов, 1987]. Уже в 1970-х годах были опубликованы работы, обобщающие результаты этого научного поиска и практического почина, анализирувавшие все стороны трудовой, социально-политической и культурной жизни людей в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве. Были сформулированы рекомендации по использованию этих принципов на других уровнях социальной организации общества [см. Лапин и др., 1976; Лузан, 1972; Тощенко, 1971, 1981; Фролов, 1970].

В летописи отечественной социологии запечатлен вклад так называемой заводской социологии, представители которой (В. И. Герчиков, А. К. Зайцев, Б. И. Максимов, В. В. Щербина и др.) осуществили поиск социальных резервов, касающихся практически всех сторон жизни людей [см., например, Щербина, 2008]. Именно их усилиями планы социального развития стали руководством в реальной практике управления социальной жизнью производственных коллективов, эффективным средством решения перспективных и текущих проблем.

 Отмечая огромную роль планов социального развития в анализе и регулировании социальной жизни людей, можно сделать заключение, что они все же в первую очередь рассматривали проблемы трудовой деятельности, ее социальные ресурсы. И это не могло быть иначе, так как перед производственными единицами — заводами, фабриками, стройками и т. д. — конкретно и объемно стояло задание решать производственные задачи, а социальные аспекты жизни рассматривались как мощный резерв их успешного решения. Вполне естественно, научную мысль не могло не волновать и не интересоваться социальное содержание жизни людей как таковых вне зависимости от одной из ее сторон, даже такой важной, как трудовая деятельность. И вот в недрах социологической мысли уже в 1970-х годах сначала в теоретическом плане, а затем и в прикладном, стали крепнуть идеи о необходимости исследовать социальную жизнь людей посредством понятия *образ жизни*. Шагнув из недр литературной и журналистской лексики, это понятие стало постепенно обретать все более отчетливые показатели его социологической интерпретации, измерения и использования в процессе управления. Что касается теоретического осмысления этого феномена, было уделено внимание соотношению образа жизни с понятиями «уровень жизни», «стиль жизни», а несколько позже «качество жизни» [Левыкин, 1988; Толстых, 1975;

Руткевич, 1983].

Одновременно перед социологами возникла проблема операционализации понятия «образ жизни», каковую одними из первых во второй половине 1970-х гг. попытались осуществить исследовательские коллективы под руководством И.В. Бестужева-Лады (р. 1927), Л.Н. Когана (1923–1997), И.Т. Левыкина (1923–1994) [Бестужев, 1980, 1983; Коган, 1977; Левыкин, 1981, 1983, 1987; Олесневич, 1977]. В их концепциях образ жизни первоначально конструировался по четырем сферам: труд, быт, общественно-политическая и культурно-образовательная деятельность. Затем представление о нем было доведено до 14 блоков, включая быт; показатели брака и семьи; образование; национальные отношения и антиобщественные явления. Были расширены показатели условий жизни (материальное благосостояние, социальное обеспечение, транспортное обслуживание, состояние окружающей среды) и введен дополнительно блок показателей стиля жизни (жизненная ориентация). Все это по сути дела означало попытку в комплексе охватить все жизненные реалии и ответить на вызовы времени, решить не отдельные, пусть значительные проблемы, но и особенные, даже специфические аспекты жизни людей [см.: Бестужев-Лада, 1983, с. 93–96].

Изучение образа жизни быстро развивалось в 1970–1980 гг. От общесоюзных исследований они шагнули на предприятия, в сельские поселения, в регионы. Одним из уникальных и особенно удачных, методологически выверенных трудов стала монография, построенная на данных жизни работниц Тираспольской швейной фабрики, собранных В.В. Чичилимовым [см. Соколова, Кашина, Чичилимов, 1980]. В книге красочно, наглядно и убедительно описывались все без исключения заботы, тревоги и проблемы женского коллектива предприятия — от характеристики трудовых будней до работы детского сада. Это тем более знаменательно, что продукция

фабрики потреблялась не только на внутреннем рынке — она импортировалась по заказам французских предпринимателей.

Глубокое и обстоятельное исследование образа жизни одной из важнейших социальных групп — крестьянства — осуществил коллектив под руководством Т. И. Заславской (1927–2013) и И. В. Рывкиной (р. 1926): анализ состояния и изменений жизненных путей сельских жителей ряда районов Западной Сибири [Заславская, Рывкина, 1980]. Последним из крупномасштабных, близких по логике к исследованию образа жизни стал опрос ВЦИОМ по репрезентативной общесоюзной выборке в ноябре 1989 г., результаты которого легли в основу известной монографии «Советский простой человек» [Левада, 1993].

Уже на излете советской власти появились концепции повседневности, изучение которой в российской социологии ассоциируется с именем Н.Н. Козловой (1946–2002). В ее работах с большой обстоятельностью основательностью анализировались жизненные практики простых советских людей во всей их сложности, противоречивости и неоднозначности [Козлова, 1996]. Вместе с тем, на наш взгляд, первым приближением к анализу повседневного бытия людей в отечественной традиции стал труд Л. Гордона (1930–2001) и Э. Клопова (1930–2010) «Человек после работы». По духу этот анализ всех сторон жизни людей в нерабочее время олицетворял концепцию повседневности. Вместе с тем, эта работа не только затрагивала текущие проблемы людей, но и выходила на освещение таких аспектов жизни людей, которые имели социально значимый характер и по сути приближались к социологической концепции социологии жизни [Гордон, Клопов, 1972].

Вместе с тем, именно такой подход к повседневности как объекту научного анализа принес несколько неожиданных поворотов при изучении многообразия жизненного мира. Что касается объектов изучения реальности, то наряду с социально значимыми формами проявления

повседневности стали выдвигаться в качестве ее проявлений специфические и, я бы сказал, тривиальные формы проявления жизни, которые не имеют никакого отношения ни к науке, ни к значимой практике. Преувеличение таких эпизодов или событий в жизни человека обернулось постмодернистскими зигзагами — изучались любители мороженого, сравнивались левши и правши, частота купаний в море. Может ли заслуживать научного внимания «анализ поведения девушек, выходящих из автолайнов»? Следовательно, изучение жизненного мира через повседневность, с одной стороны, открыло новые горизонты познания сущности социальной жизни людей, с другой, достаточно быстро выявило некоторые ограничения, показав, что его применение и использование имеют пределы.

И что же, несмотря на разные позиции, различные, иногда взаимоисключающие подходы, на наш взгляд, объединяет многообразные социологические исследования? Есть ли какие-то общие черты характеристики, присущие всем без исключения социологическим исследованиям (в первую очередь, эмпирическим), которые посвящены отдельным компонентам жизненного мира людей — труду, политике, социальной структуре, культуре, религии и т. д.? На наш взгляд, интегрирующий момент, пронизывающий все без исключения исследования социологов, — это изучение жизненного мира людей в единстве общественного сознания во всех его формах и проявлениях, поведения (деятельности) людей и окружающей их среды. Остановимся на этом подробнее.

Жизненный мир как эмпирическая характеристика социологии жизни.

О том, как необходимо и важно подойти к изучению реальности с позиций социологии жизни, впервые заявил Жан-Жак Гюйо (1854–1888). Он констатировал возможность реального практического использования этого подхода, позволяющего опираться на измеряемые показатели для познания и использования результатов

в социальной практике. Фактически, не употребляя этого термина, комплексный подход к исследованию всех аспектов жизни протестантов применил М. Вебер, когда писал свой труд «Протестантская этика и дух капитализма». Этот подход использовал и Э. Дюркгейм, когда создавал труд «О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений» (совместно с М. Моссом).

В отечественной литературе к анализу этого феномена наиболее близко подошли Н. И. Лапин [Лапин, 2009], Ю. М. Резник [Резник, 2001], С. И. Григорьев [Григорьев, 2000]. Можно утверждать, что все больше социологов оперируют показателями отношения людей к реальным проблемам, ситуациям, ко всему тому, что происходит в общественной и личной (приватной) жизни, а также взаимоотношений со средой, в которой они работают и живут. Анализ трудов современных зарубежных отечественных ученых позволяет сделать вывод, что в центре их внимания оказывается человековедение, анализ самоочевидностей сознания и поведения, схем типизации форм социальной практики [подробнее см.: Романовский, 2013].

В самом деле, если рассмотреть все без исключения социологические исследования, нацеленные на изучение тех или иных сторон жизни людей или затрагивающие их, они обязательно предполагают изучение основополагающих характеристик человека — сознание, поведение (деятельность) и среду. Иначе говоря, современные подходы, определяющие предмет социологии, заметно смещаются в направлении человековедения, к признанию того, что анализ проблем жизни людей все больше и больше становится объектом внимания социологии. При этом уместны два замечания.

Первое. Справедливо утверждение, что прошло время, когда в социальных науках, в социологии общество объявлялось первостепенным объектом анализа. Отчетливо выявилось, что «за концеп-

туальным фасадом социоцентрических теорий обнаружилось пустота и оторванность от реальной жизни: ведь если «единицы» считать «нулями», то теория никогда не сойдется с практикой» [Волков, 1995, с. 10–13].

Второе. Выдвижение на первое место проблем человека не означает, что социология претендует на его познание в том смысле, как это делает биология или психология. Социология выделяет лишь те параметры в жизни человека, которые являются социальными по предназначению (поэтому социология употребляет понятие «личность»). Социология претендует на анализ социальных проблем, которые являются «вечными», проявляющими себя в любых обществах, в любых условиях, на всех этапах человеческой истории.

Исходя из сказанного, *первой базовой характеристикой жизненного мира как предмета социологии является реально функционирующее общественное сознание во всем его многообразии и многозначности.* Социология имеет дело не с общественным сознанием вообще, безликим и аморфным, не имеющим начала и конца, не просто с некими логическими конструкциями, а с реально функционирующим общественным (групповым, индивидуальным) сознанием, к которому следует подходить с особых теоретико-методологических позиций. Обобщая данные выводы, можно сказать, что базовым понятием для социологии жизни является общественное сознание и соответственно его компоненты: *знание, информация, потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, интересы и другие эмпирические элементы жизненного мира людей.* В социологических исследованиях постепенно закрепляется *новый методологический подход*, суть которого при всей его кажущейся очевидности в следующем: люди живут не для теорий, концепций, не ради государственных доктрин или программ политических партий — они в первую очередь преследуют цели, в которых причудливым образом сочетаются раз-

личные ориентации, ценности, установки, причем таким образом, что индивидуальные и групповые интересы и потребности приобретают социально значимый характер. Люди судят о своем положении не по громковещательным обещаниям и декларациям, не по научным теориям и концепциям или поискам, а по реальной ситуации, с которой они сталкиваются в повседневной жизни. Что бы в настоящее время ни говорили о тенденциях и изменениях в жизненном мире людей, несомненным фактором является высокая оценка и самооценка «Я» со всеми вытекающими последствиями, которые в конечном счете приводят к необходимости считаться с осознанием каждым человеком своей ценности и самоценности. Следует, наконец, учесть, что в сознании людей происходят значительные изменения в структуре стимулов к жизни, к действию: внешние стимулы ослабевают, а внутренние растут, что свидетельствует о возрастании роли субъективного фактора, духовного начала в развитии и функционировании современного мира. При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что сознание развивается автономно, независимо, не всегда согласуясь с социально-экономическими тенденциями: автоматизма взаимодействия между сознанием и бытием нет.

Второй базовой характеристикой предмета социологии жизни и соответственно жизненного мира людей является тот факт, что они не ограничиваются анализом состояния общественного сознания. Сознание становится только тогда реальной силой, когда оно воплощается в поведении, деятельности, в действиях людей. Не секрет, что общественные намерения, желания, ориентации по тем или иным причинам не всегда реализуются в поступках, в акциях, в реальных делах. Что мешает их претворить в жизнь — в этом состоит одна из важнейших задач социологического исследования.

Поэтому для социологии важно познать процесс «превращения общественного сознания в общественную силу»

(К. Маркс). Реализация прогностической функции сознания — гораздо более богатое по содержанию специфическое явление общественной жизни. В нем переплетаются как научные, обоснованные знания, суждения и умозаключения, так и стихийное, продиктованное практическим опытом, непосредственное восприятие действительности и соответствующее ему действие. Иначе говоря, реальное, практическое поведение — это функционирующая социальная жизнь в сложном переплетении закономерных связей и отношений и случайных, единичных, а иногда и противоположных социальному прогрессу взглядов, идей и представлений. Именно такой подход к реальному поведению как к живому, полному противоречий и драматизма общественному явлению, функционирующему на практическом уровне, в условиях непосредственно жизненного опыта, способному предвосхитить (или включить в себя) все проявления, позволяет объяснить на языке социологии многие процессы, выявить общее, присущее им не только во всех сферах общественной жизни, но и в условиях различных социально-экономических систем. В этой связи хотелось бы напомнить характеристику социологии, данную П. А. Сорокиным (1928), как «науки, изучающей поведение людей, живущих в среде себе подобных» [Сорокин, 1992, с. 534].

Следовательно, поведение людей выступает степенью реализации всех или отдельных компонентов реально функционирующего общественного сознания. Сознание и поведение неразрывно связаны между собой, обуславливают друг друга, постоянно взаимодействуя, обогащая друг друга и конфликтуя между собой. Поэтому их нужно анализировать в неразрывном единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности.

Таким образом, реальное, живое сознание и поведение — самые «богатые» по проявлениям общественные процессы. Фактически они отражают как на теоретическом, так и на эмпирическом

уровнях состояние общественных связей и взаимодействий во всем их многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Именно они выступают чутким показателем состояния, хода развития и функционирования общественных процессов, всей общественной жизни. Их исследование — важный инструмент принятия научно обоснованных решений во всех без исключения сферах общественной жизни — от экономической до духовной.

днако, чтобы не впасть в субъективизм, необходимо принимать во внимание не только сознание и поведение, а их функционирование в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, олицетворяющих влияние всех видов общественной макро-, мезо- и микросреды. Это третий компонент социологии жизни. В свою очередь, макросреда характеризует процессы, происходящие во всем обществе, которые опосредуют сознание и поведение людей как граждан, как членов данного общества. Мезосреда оказывает воздействие на сознание и поведение людей как жителей определенной территориальной социально-экономической общности, в которой они работают, отдыхают и выполняют функции творцов и потребителей. Что касается микросреды, то это непосредственное окружение, где человек взаимодействует на межличностном уровне и где существует контактная среда, весьма серьезно влияющая на результативность его поведения, на организацию его общественной повседневной жизни. Социолог призван учитывать «особые жизненные обстоятельства», определяющие сознание и поведение людей, «каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете, экономические обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные)...» [Маркс, 21, с. 396].

Комплексный анализ социальной жизни открывает возможность исследовать ее не только на уровне общества, но и на дру-

гих уровнях социальной организации — в регионах, в рамках определенных территорий, поселений, что частично находит отражение в появлении историй, посвященных республикам, областям, городам, селам и даже производственным организациям. Хотя в большинстве своем они написаны в краеведческом ключе, однако представляют интерес и для социологии жизни, так как охватывают многообразие жизненных проявлений общих локальных образований в основном как характеристика среды обитания людей.

Все это позволяет утверждать, что *изучение жизненного мира (сознания и поведения людей в определенных социально-исторических условиях) переводит социологию из плоскости регистрирующей науки в плоскость активной общественной силы, участвующей в решении всех без исключения актуальных проблем развития человека и человечества.*

В этой связи уместно напомнить, что общественное сознание и поведение становятся предметом изучения только в условиях гражданского общества — общества, рожденного на определенной стадии исторического процесса как результат эры новой истории, ведущей отсчет от периода великих буржуазных революций, от времени, когда общество отделилось от государства. Такое утверждение отвечает на вопрос, почему в условиях тоталитаризма, диктатуры, монополии власти не требуется изучение настроений, мнений людей, их судеб и перспектив жизни (как не требуется и сама социология).

Только в условиях гражданского общества человек может демонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни: он получает возможность действовать как самостоятельная общественная сила, влияние которой в значительной степени зависит от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса. О том, что творцом и движущей силой развития этого общества является сознание и поведение людей, говорит образное выражение англ-

лийского историка и философа Т. Карлейля (1795–1881): «Революции происходят не на баррикадах — они проходят в умах и сердцах людей».

Таким образом, жизненный мир — это мир Человека, мир людей, мир в человеческом измерении, мир существования и функционирования человеческого потенциала, мир возможностей человека, его восприятия и реакции на происходящие в обществе перемены и его готовности понять, принять/не принять, содейство-

вать (быть пассивным) противостоять осуществляемым государством и обществом преобразованиям.

Обобщая, можно сделать вывод, что *социология жизни олицетворяет реальное общественное сознание во всем его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей; условия которых реализуются реальное сознание и соответствующее ему поведение людей.*

Литература

1. *Бестужев-Лада, И. В.* Советский образ жизни: Формы и методы его пропаганды / И. В. Бестужев-Лада. — М., 1980.
2. *Бестужев-Лада, И. В.* Содержание, структура и типология образов жизни / И. В. Бестужев-Лада // Социальная структура социального общества и всестороннее развитие личности / отв. ред. Л. П. Буева. — М., 1983. *Большаков, А. М.* Деревня (1917–1927) / А. М. Большаков. — М., 1928.
3. *Волков, Ю. Г.* Социология / Ю. Г. Волков и др. — М., 2000.
4. *Герчиков, В. И.* Социальное планирование и социологическая служба в промышленности / В. И. Герчиков. — Новосибирск, 1984.
5. *Гордон, Л. А.* Человек после работы. Социальные проблемы быта вне рабочего времени / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. — М., 1972.
6. *Горшков, М. К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков. — М., 2011.
7. *Ельмеев, В. Я.* Методологические основы планирования социального развития / В. Я. Ельмеев. — М., 1974.
8. *Заславская, Т. И.* Методология и методика системного изучения советской деревни / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина (ред.). — Новосибирск, 1980.
9. *Ионин, Л. Г.* Методология социально-гуманитарного знания «История философии наук» / Л. Г. Ионин. — М., 2011.
10. *Козлова, Н. Н.* Социология повседневности: переоценка ценностей / Н. Н. Козлова // Общественные науки и современность. — 1992. — № 3. — С. 47–56.
11. *Козлова, Н. Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора / Н. Н. Козлова. — М., 1996.
12. *Коган, Л. Н.* Социалистический образ жизни (опыт социологического исследования) / Л. Н. Коган (ред.). — М., Свердловск, 1979.
13. *Кравченко, С. А.* Социология. Парадигмы через призму социологического воображения / С. А. Кравченко. — М., 2002.
14. *Лапин, Н. И.* Теория и практика социального планирования / Н. И. Лапин, З. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. — М., 1976.
15. *Левада, Ю. А.* Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Ю. А. Левада (ред.). — М.: Мировой океан, 1993.
16. *Левада, Ю. А.* Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005 / Ю. А. Левада. — М., 2006.
17. *Левашов, В. К.* Россия на развилке социополитических траекторий развития / В. К. Левашов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2011. — № 4 (104). — С. 5–23.
18. *Левыкин, И. Т.* Советский образ жизни: Состояние, мнения и оценки советских людей / И. Т. Левыкин, А. А. Возьмитель (ред.). — М., 1984.

19. *Левыкин, И. Т.* Образ жизни как объект междисциплинарного изучения / И. Т. Левыкин // Социол. исслед. — 1981. — № 1.
20. *Лузан, П. П.* Планирование социального развития производственного коллектива / П. П. Лузан. — М., 1972.
21. *Маркс, К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М., 1989. — Т. 37.
22. *Олесневич, Л. А.* Социальное планирование на промышленном предприятии / Л. А. Олесневич. — К., 1977.
23. *Полозов, В. Р.* Социальное планирование производственных коллективов и его роль в ускорении социально-экономического развития страны / В. Р. Полозов. — Л., 1987.
24. *Резник, Ю. М.* Социальное измерение жизненного мира / Ю. М. Резник. — М., 2001.
25. *Романовский, Н. В.* Эволюция теоретической мысли в социологии. Комментарий к проблеме / Н. В. Романовский // Социол. исслед. — 2013. — 8. — С. 3–13.
26. *Руткевич, М. Н.* Социалистический образ жизни / М. Н. Руткевич. — М., 1983.
27. *Соколова, В.* Все о нас и нашем коллективе: Концепция, методы и результаты диагностики образа жизни коллектива тираспольских швейников / В. Соколова, М. Кашина, В. Чичилимов. — Кишинев, 1980.
28. *Сорокин, П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. — М., 1992.
29. *Стиль жизни личности: Теоретические и методологические проблемы.* — К., 1982.
30. *Толстых, В. И.* Образ жизни: Понятия. Реальность. Проблемы / В. И. Толстых. — М., 1975.
31. *Тощенко, Ж. Т.* Социальное планирование / Ж. Т. Тощенко. — Красноярск, 1971; Тощенко Ж. Т. Социальное планирование / Ж. Т. Тощенко. — М., 1981.
32. *Тощенко, Ж. Т.* Социология жизни как теоретическая концепция / Ж. Т. Тощенко // Социол. исслед. — 2015. — № 1.
33. *Романовский, Н. В.* Вехи российской социологии (1950–2000-е годы) / Н. В. Романовский (ред.). — М., 2008.
34. *Фролов, С. Ф.* Социальное планирование на промышленном предприятии / С. Ф. Фролов. — Горький, 1969.
35. *Ядов, В. А.* Социология в России / В. А. Ядов (ред.). — М., 1996.

17.02.2015